

Титаренко Светлана Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
svet_titarenko@mail.ru, s.titarenko@spbu.ru

ТОПОС КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. А. ВОЛОШИНА И МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПЛАТОНА¹

Автор исследует автобиографическую прозу поэта Серебряного века М. А. Волошина (1877–1932) в контексте идей философии и мифологии Платона. Предметом анализа является топология духовного странничества писателя и феноменология памяти. В центре внимания находится мемуарная и дневниковая проза 1900-х годов, циклы автобиографических статей, очерков и эссе 1900–1910-х годов, лекции и незавершенные наброски, которые объединяются темой путешествия, духовного странничества и самопознания. Выясняется, что на формирование творческих принципов Волошина оказала влияние космология, мифология и учение о памяти Платона. Топос понимается им в соответствии с диалогами Платона как место памяти, которое становится священным пространством. Анализируются мотивы профанного и сакрального места, сюжеты странствия, блуждания в лабиринте, выхода из тьмы. Выделяются топосы, которые стали для Волошина символическим пространством памяти. Это Мюнхен (город музеев и пива), Будапешт (город-лабиринт и город-музей), Петербург (город-музей и город-кладбище), Рим (город-лабиринт, город-музей и город-художник), Париж (город-музей, город-лабиринт, город-сцена, город-карнавал, город-художник и город-бордель). Под влиянием традиции Платона и эстетического утопизма Серебряного века у него формируется понятие «идеальный топос». Это — город-музей и город-художник, где большую роль играет готический храм. Топос анализируется как хронотоп сознания, когда пространство дополняется историческим временем. Делается вывод, что античный, христианский и природно-космический топосы стали доминирующими для мышления и творчества Волошина; они противопоставлены современным городам, несущим апокалипсическое начало. Готическое пространство символизирует христианскую культуру, которая представляет для автора наивысшую ценность. Библиогр. 39 назв.

Ключевые слова: творчество М. А. Волошина, автобиографическая проза, философия и мифология Платона, феноменология памяти, топос, символическое пространство.

Titarenko Svetlana D.

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
svet_titarenko@mail.ru, s.titarenko@spbu.ru

TOPOS AS SYMBOLIC MEMORY SPACE IN AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF M. A. VOLOSHIN AND MYTHOPOETIC TRADITION OF PLATO

The author analyses autobiographical prose of the poet of the Silver Age M. A. Voloshin (1877–1932) in the context of Plato's philosophy and mythology. The subject of the analysis is topology of writer's spiritual wandering and memory phenomenology. The materials of the study are memoirs and diary prose of the 1900s, series of autobiographical articles, sketches and essays of the 1900–1910s, lectures and incomplete sketches united by the subjects of travel, spiritual wandering and self-discovery. It turns out that cosmology, mythology and the doctrine about Plato's memory had impact on formation of the Voloshin's creative principles. Topos is considered as a memory place that becomes a sacred space according to Plato's dialogues. Motives of secular and sacred space, plots of journey, wandering in a labyrinth, and an exit from darkness are analysed. Toposes that became symbolical space of memory

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта № 15-34-11047 фонда РГНФ.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

for Voloshin are allocated. These are Munich (the city of museums and beer), Budapest (the labyrinth city and the museum city), St. Petersburg (the museum city and the cemetery city), Rome (the labyrinth city, the museum city and the artistic city), Paris (the museum city, the labyrinth city, the theatre city, the carnival city, the artistic city and the brothel city). Plato's traditions and aesthetic utopianism of the Silver Age created a concept of the "Ideal Topos". It is the city of museums and the artistic city where the gothic temple has an important role. Topos is analysed as consciousness chronotope when space is supplemented with historical time. In conclusion it is shown that Antique, Christian, natural and cosmic toposes became dominating for Voloshin's concepts and creativity; they are opposed to the modern cities that have apocalyptic origin. Gothic space that symbolises topos of the Christian culture is the most important for the author. Refs 39.

Keywords: M. A. Voloshin's creativity, autobiographical prose, Plato's philosophy and mythology, phenomenology of memory, topos, symbolical space.

Для поэта и мыслителя Серебряного века М. А. Волошина была чрезвычайно важна пространственная панорама памяти как топология его духовного пути. Его философия странничества была созвучна исканиям современников: Вяч. Иванова, Д. Мережковского, А. Белого, Л. Шестова [Бонецкая, с. 98]. Близкий опыт философской и художественной рефлексии нашел отражение в «Самопознании» Н. Бердяева, «Душе самосознающей» А. Белого. В этом плане большой интерес представляет автобиографическая проза поэта, изучение которой значительно продвинулось в последние десятилетия. Намечены пути исследования прозы Волошина [Лавров, 1991; Купченко, Давыдов], выделены направления исканий поэта [Купченко; Грякалова], рассматриваются «античный» и «итальянский» «тексты» в его творчестве [Столович; Корниенко, 2010, 2011; Тимофеева; Громов]. Наиболее глубоко рассматривается «киммерийский текст», так как он многогранно отразился в поэтическом, прозаическом и живописном наследии Волошина² [Рычков, Мирошниченко; Баруткина].

Волошину присуща мифопоэтическая топика сознания, и частотность обращения его к описанию пространств показательна. Это позволяет говорить не только о локусах, имеющих функциональные границы, — дом, город, край, страна, но и о символической репрезентации пространственных миров как образов ноуменального в платоновском понимании. «Наш символизм есть выражение платонизма», — писал Волошин [Волошин, т. 6 (2), с. 651]. Автобиографическая проза Волошина мало изучена в связи с традициями Платона³, поэтому обращение к данной теме представляется закономерным.

С точки зрения традиций платонизма большой интерес представляют волошинские прозаические тексты мемуарного или дневникового типа 1900–1910-х годов, и прежде всего «Журнал путешествия», «Листки из записной книжки», «Дневник 1901–1903 гг.», «История моей души», а также ряд статей, очерков, эссе и некоторые черновые наброски. Они репрезентируют определенные модели реальных и символических образов пространства. Символические пространства в семиотическом аспекте были описаны Ю. М. Лотманом [Лотман]. В теоретическом плане

² Этой теме была посвящена IV международная конференция «Киммерийский тоpos: мифы и реальность», проводившаяся 14–20 сентября 2015 г. в Доме-музее М. А. Волошина в Коктебеле (Крым, Россия).

³ О влиянии Платона на М. А. Волошина в связи с публикацией его лекции «Пути Эроса (Мысли и комментарии к Платонову "Пиру")» см. в статье А. В. Лаврова [Лавров, 1999], в связи с восприятием образа Неаполя как «земного рая» — в работе С. Ю. Корниенко [Корниенко, 2010].

это явление осмыслено В. Н. Топоровым, который писал, что «индивидуальный образ пространства в наибольшей степени определяет основу авторского взгляда на мир (“специализированные модели мира”) и в значительной степени мотивирует структуру обширной области — от стратегии личного жизненного поведения до характерных особенностей мыслительных моделей и способов их языкового выражения» [Топоров, с. 448]⁴.

Индивидуальный образ пространства в автобиографической прозе Волошина может быть рассмотрен с учетом традиции Платона и философского значения понятия «топос». Топос, как известно, — многозначное понятие. В литературоведении оно чаще всего используется как дань риторической и философской традиции (от Аристотеля до Э. Курциуса). В «Риторике» Аристотеля топосы трактуются как «топы», которые «выведены из положений» и являют собой «общие места» (Риторика I, 1358a-10) [Аристотель 2005, с. 14]. В «Физике» топос понимается Аристотелем как место-пространство, которое «кажется чем-то отличным от всего появляющегося в нем и сменяющегося...» (Физика IV 1, 208b, 5–7) [Аристотель 1981, с. 123]. Идея священного топоса имеет также религиозную, философскую и мифопоэтическую природу. В диалоге Платона «Государство» полис отождествляется с космосом, высшие точки его расцвета совпадают с периодами божественной гармонии. Как указывает О. М. Фрейденберг, рассматривая утопизм платоновских представлений, полис явился у философа «разновидностью позднейшего истолкования древнего образа “города” как “космоса”, “дома” как “неба”» [Фрейденберг, с. 150]. Показательно, что тема Атлантиды как прообраза представлений об идеальном полисе всегда интересовала Волошина⁵.

Некоторые основные принципы распознавания топоса у Волошина связаны с античным учением о памяти. Философское учение о памяти восходит к аристотелевскому трактату «О памяти и припоминании» и к платоновскому учению об анамнезисе. Если Аристотель выделяет память как отпечаток чувственных впечатлений души, то у Платона память — это особая практика саморазвития души, когда важно познание-припоминание⁶. В поздних диалогах Платона, как указывают исследователи, развивается принцип связи идей, отражающих «внутренние» знаки памяти как «записи внешних впечатлений» [Шевцов, с. 12]. Кроме того, платоновские диалоги демонстрируют механизмы распознавания топоса как образа «отпечатка» на «восковой дощечке» памяти [Шевцов, с. 13].

Анализируя диалог Платона «Федр», С. С. Аверинцев показывает, как важен для философствования Сократа и Федра топос реальности («экфраза ландшафта») [Аверинцев, с. 83–84]. Беседа Сократа и Федра под платаном на берегу реки возле того места, где была, согласно мифу, похищена Бореем нимфа Орифия, становится символом «восхитенной души», так как рядом святилище Агры и жертвенник Борею, и философствование начинается с размышления о месте, которое становится символическим пространством в припоминании. Поэтому диалог Платона и начинается с распознавания ландшафта как священного топоса в сознании. Это семантизированное «общее» пространство мифопоэтической памяти.

⁴ В этом плане представляют интерес исследования Л. В. Стародубцевой [Стародубцева 1996; Стародубцева 2003].

⁵ Тема платоновской Атлантиды возникает у Волошина в статьях «Архаизм в русской живописи», «Демоны разрушения и закона» [Волошин, 1988, с. 171, 277–278] и др.

⁶ Платоновское учение в этом аспекте проанализировано П. Рикером [Рикер].

Что касается индивидуальной памяти, то, как считает В. Н. Топоров, «индивидуальные образы пространства, как правило, имеют дело не с профаническим и усредненным пространством, но с гораздо более богатым — семантизированным и/или сакрализованным...» [Топоров, с. 446]. Эта особенность распознавания топоса была присуща Волошину. Топос — знаковое пространство, которое формируется в его сознании как «отпечаток» в памяти на основе оппозиций профанное/сакральное, реальное/умопостижимое, феноменальное/ноуменальное. Например, в наброске <О Париже> (1910) Волошин пишет об идеальном топосе города как символическом пространстве общечеловеческой памяти: «С начала истории на земле всегда существовал Город по-преимуществу — Urbs. Необходимо место, которое бы думало и сознавало. Нужен такой мозговой центр... <...> Древность знала три города — Иерусалим, Афины, Рим. <...> Через эти три города человечество совершало свое восхождение. Теперь от Иерусалима осталась одна Голгофа; от Афин — развалины; от Рима — призрак Римской империи. <...> Но все они живут в Париже. Париж — это сумма этих трех городов. Это логарифм трех цивилизаций в одной краткой формуле» [Волошин, т. 6 (2), с. 620–621].

В центре внимания писателя, как показывает его автобиографическая проза, был процесс феноменологии памяти как рассказ о себе самосознающем. Он выделил значимость этой темы в «Истории моей души», например, в записях от 9 августа 1904 г.: «Вся наука человечества, все его знания должны стать субъективными — превратиться в воспоминание. Человек должен развернуть свиток своих мозговых извилин, в которых записано все, и прочесть всю свою историю изнутри»; «Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход — в прошлое»; «Для человечества воспоминание — все. Это единственная дверь в бесконечность» [Волошин, т. 7 (1), с. 162]. Рассказ о себе самосознающем подобен у Волошина выходу из «платоновской пещеры»⁷. Это связано с тем, что для него значимым становится постижение смысла географического места как «места памяти»⁸ и самого себя как индивидуальности в пространстве общечеловеческой культуры, в котором большую роль играет город-музей и город-библиотека. В «Автобиографии» Волошин писал: «Продолжается ряд путешествий и открытий и откровений в Италии, Испании, на Балеарах, в Сардинии, на Корсике, в Лувре, в Прадо, в Национальной библиотеке, по странам, по музеям, по библиотекам» [Волошин, т. 7 (2), с. 233–234].

Письма и дневниковые записи Волошина свидетельствуют о его знакомстве с сочинениями Платона уже в 1890-е годы [Купченко, с. 43]. В его личной библиотеке сохранились сочинения Платона, на страницах которых имеются пометы Волошина-читателя [Мемориальная библиотека, с. 350]. С 1900-го года — года «духовного рождения», увлечение Платоном усиливается в связи с символистским

---

⁷ Миф о пещере из диалога «Государство» как учение о познании высших идей упоминается Волошиным в «Дневнике 1901–1903 гг.» [Волошин, т. 7 (1), с. 137]. В статье «Поль Клодель» он говорит о том, что где-то за спиной человека есть свет, падающий тенью. «Здесь вспоминается Платонова пещера и тени, видимые узниками на противоположной стене ее» [Волошин 1988, с. 72]. В другой статье, посвященной анализу поэзии символизма, он, пересказывая миф о пещере, пишет: «Таково наше познание мира. Не передана ли высшая реальность души в этих смутных тенях...» [Волошин 1988, с. 490].

⁸ Понятие «мест памяти» введено П. Нора в работе «Проблематика мест памяти. Франция-память»: «На самом деле они являются местами в трех смыслах слова — материальном, символическом и функциональном, — но в очень разной степени» [Нора, с. 40].

влиянием, это нашло отражение в интересе Волошина к сочинениям философа в переводе В. С. Соловьева [Купченко, с. 124–125]. Упоминание и цитирование Платона можно найти в мемуарной прозе Волошина, например, в «Листках из записной книжки» [Волошин, т. 5, с. 774], в «Дневнике 1901–1903 гг.» [Волошин, т. 7 (1), с. 137, 174], в «Истории моей души» [Волошин, т. 7(1), с. 174], в обзорах выставок [Волошин, т. 6 (1), с. 254], в текстах его лекций и набросков [Волошин, 1999; Волошин, т. 6 (2), с. 651–652], в статьях, вошедших в «Лики творчества» [Волошин 1988, с. 72, 171, 260, 277].

На форму диалогов Платона Волошин обращает внимание в статье «На белом камне» [Волошин, т. 6 (2), с. 176]. Форма диалога используется им в некоторых текстах автобиографической прозы и прежде всего в «Истории моей души», «Франция и война. Разговоры». В статье «Индивидуализм в искусстве», ссылаясь на диалог Платона «Тимей», Волошин объясняет рождение поэта тем, что «Божественный Дух погружается постепенно в материю, постепенно отказывается от себя, чтобы погаснуть совершенно в безднах материи». Это глубже всего, по его мнению, «выражено в словах Платона о “мировой душе, распятой на кресте мирового тела”. И тогда материя, преображенная и самосознавшая, начинает свое восхождение к вечному духу» [Волошин, т. 5, с. 65]. В этих словах Платона находит отражение его учение о чувственном и умопостигаемом космосе и миф о пещере.

Идеи Платона, изложенные в диалогах «Пир», «Тимей», «Государство» и др., связаны с мистериальными топосами, поэтому в перспективе творческих и эзотерических исканий Волошина они оказываются актуальными. Платон понимал космос как двуединое пространство: чувственное и умопостигаемое (Государство VI 509d-e; 510b-e) [Платон, с. 317–320]. Умопостигаемое обретается душой через подобия, выраженные в чувственном и видимом образе, особенно те, «в которых она находит и почитает отчетливое их выражение» (Государство VI 511e) [Платон, с. 319]. В диалоге «Тимей» Платон пишет, что «мы видим его (*имеется в виду умопостигаемое*. — С. Т.) как бы в грезах и утверждаем, будто всякому бытию должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует. Эти и родственные им понятия мы в сонном забвении переносим и на непричастную сну природу истинного бытия...» (Тимей 52b-e) [Платон, с. 493–494].

При исследовании автобиографической прозы Волошина обращают на себя внимание не описания культовых мест паломничества туристов, ландшафтов, городов, стран, а настойчивое тяготение к воссозданию некоей платоновской смысловой модели, основанной на распознавании топоса в координатах профанное-сакральное. Волошин часто, оказываясь в центре культурной жизни города, например, Парижа или Мюнхена, не может преобразовать место в пространство памяти. Например, в «Дневнике 1901–1903 гг.» он пишет о восприятии им Парижа как города-борделя. Интересен очерк Волошина «В Обер-Амергау» с подзаголовком «Из странствий» (1900), начинающийся словами: «вспомните прекрасную панораму Штарнбергского озера в Баварии...» [Волошин, т. 5, с. 288]. Он передает свои впечатления от Мюнхена, «города пива и картинных галерей», затем рассказывает о душевном потрясении, которое он сможет испытать в Обер-Амергау — деревушке, расположенной в предгорьях Альп. Именно она становится местом стечения десятков тысяч путешественников из всех стран Европы. Это место — музей со-

хранения христианской культуры, так как здесь можно посмотреть средневековые мистерии Страстей Христовых, уцелевшие в Европе. Отмечая, что мистерия получила статус культурного пережитка, Волошин разочарованно говорит об увиденном: жалком балагане с деревенским столяром, заседающим в помещении пожарной команды и исполняющим роль Христа. Он пишет о мутном и неприятном осадке, оставшемся от зрелища, производимого для скучающей толпы туристов. Избранное место паломничества — Обер-Амергау — так и осталось профанным пространством в его сознании.

В серии путевых очерков «Листки из записной книжки» (1900) Волошин называет сакральные для него места в связи с реликвиями, которые стали символами сознания: «альпийские розы, сорванные на склонах Ортлера, кипарисная ветвь с виллы Адриана, лавровая веточка с могилы Шелли, сорная травка, выросшая между мраморных плит театра Диониса..., пыльная ветка оливы с афинского Акрополя» [Волошин, т. 5, с. 321]. Он сравнивает их с китайскими высушенными деревянными палочками, которые лишь стоит бросить в воду, как распустятся разноцветные цветы и фигуры. Китайские палочки могли ассоциироваться с общеизвестными платоновскими «восковыми дощечками» — метафорами памяти. Перебирая в памяти события путешествия от Москвы до Севастополя через Вену, Мюнхен, Милан, Геную, Флоренцию, Рим, Неаполь, Афины, Константинополь, он пишет о своих дорожных расходах и сразу же указывает: «но вот, наконец, мои лиловые иероглифы: 29 мая. Вена. Собор святого Стефана.... Ну, распускайтесь же, расцветайте, мои китайские палочки!... сумрак старого готического собора. После солнечного блеска и уличной пестроты глаз с трудом различает паутину скрещивающихся арок и колонн. Я сижу на почерневшей деревянной скамье. Ухо отдыхает от грохота экипажей в этой тишине и только позже, как и глаз, в этом сумраке начинает различать звуки органа. Они властно захватывают душу и уносят ее не сквозь пространство, а сквозь время <...> целый мир — свой собственный, красивый, всеисчерпывающий мир, не имеющий ничего общего с действительным миром и его законами...» [Волошин, т. 5, с. 323–324].

Описание венского собора у Волошина — результат работы преображенного сознания. Важен готический код восприятия. Незавершенная книга Волошина «Дух готики»⁹ говорит о том, что он понимал готику не только как исторический стиль искусства, но как символическое пространство христианского сознания, так как «в готическом искусстве надо представить себе все мировоззрение человека тех времен, надо поверить в его верования, начать думать его мыслями...» [Волошин, т. 6 (2), с. 650]. Поэтому готические мотивы и образы появляются в его прозе не случайно, они символизируют возможность выхода из города-лабиринта.

В статье «Год назад», переработанной затем в лекцию «Скрытый смысл войны» (1918), Волошин показывает Будапешт как пространство европейского города, в котором «чувство исторической связи событий и мест странно оборвалось» [Волошин, т. 6 (2), с. 371]. Ожиданием катастрофы исполнен образ Будапешта в очерке

⁹ Сохранившиеся наброски книги М. А. Волошина «Дух готики» (1913–1914) опубликованы А. В. Лавровым, который пишет, что готическая тема была в центре духовных исканий поэта, пережившего потрясение от созерцания Руанского и Шартрского соборов. Анализируя переписку Волошина с М. В. Сабашниковой, он указывает на фрагмент его письма от 24 июня 1905 г., в котором Руан ассоциируется у поэта с готическим собором и весь город предстает как единый готический город-храм, как в цикле стихотворений «Руанский собор» [Лавров, 2007, с. 307–308].

«Год назад». Город показан в нем в свете апокалипсического предчувствия Первой мировой войны. Другие места путешествия Волошина — долина Рейна в Германии или Швейцария с ее старинными городками, Париж — тоже кажутся вовлеченными в апокалипсическое пространство, так как место памяти начинает занимать история войны. Гибель Реймского готического собора XIII в., разрушенного при артиллерийском обстреле Парижа в сентябре 1914 г., представляется здесь как смерть старой европейской культуры. Париж рассматривается как катастрофическое пространство в рассказе «Цеппелины над Парижем». Такими же Волошин видит Лондон в Англии, выжженный Берген в Норвегии и другие города Европы, охваченные войной. Вместе с тем он понимает вечность таких мест, как Париж или Рим. «Париж для всех», он «является истинной родиной каждого», — пишет Волошин в наброске <О Париже> (1910) [Волошин, т. 6 (2), с. 620–621]. Париж у Волошина воплощает в себе образы города-художника, города-музея, города-лабиринта, города-карнавала, города-сцены, города-борделя. Сознание писателя направлено на реальный топос, но продуцирует его как метафору сознания.

В автобиографической прозе Волошина большой интерес представляет также проблема «память и история». При ее анализе мы наблюдаем помещение топоса в сакральное поле сознания и его десакрализацию. Например, в эссе «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге» очевиден апокалипсический хронотоп, обозначенный образом трех солнц в небе. В «Молитве о городе (Феодосия весной 1918 года)» дан образ конца времен, а в рассказе «Цеппелины над Парижем» ощутим пафос «заката Европы» и гибели культуры. Форма сна, использованная писателем, дает возможность показать глубины символической памяти. Важно также использование мотивов профанного и сакрального места, сюжетов странствия, блуждания в лабиринте, движения по кругу, например, в таких статьях и эссе, как «Национальный праздник 14 июля в Париже», «Все мы будем раздавлены автомобилями», «Год назад» и др. Город-лабиринт предстает в сновидении в рассказе «Цеппелины над Парижем»: «Я был в огромном, многоэтажном серо-каменном городе, имени которого не знал. <...> Мы перебирались по крышам среди каменных лабиринтов...» [Волошин, т. 6 (1), с. 522].

Многоликими предстают Вена, Рим и Москва в прозе поэта. Интересен план лекционного выступления Волошина «Город и Верхарн», относящийся к февралю-марту 1919 г.: «...Город-сердце: Москва, Париж, Рим, Лондон, Берлин. Город-рот: Нью-Йорк, Петербург» [Волошин, т. 6 (2), с. 712]. Это и города-музеи, города-памятники и города-лабиринты, из которых трудно выбраться. Сложный сплав города-сердца, города-мятежа, города-хаоса, города-«распятыя», города самозванцев и Гражданской войны представлен в топосе Москвы («Россия распятая»).

В статье «Город в поэзии Валерия Брюсова» (1908) Волошин пишет, что Брюсов не переживает феномен города, а каталогизирует его черты. Поэтому город Брюсова не стал притягателен для писателя, так как в нем он почувствовал приближение апокалипсического времени.

Понятие идеального топоса у Волошина определялось символистской эстетической утопией, а также философской и мифопоэтической традицией. Это — топос города-сердца, города-памятника, города-музея, города-художника, противопоставленный современной урбанистической культуре: городу музеев и пива (Мюнхен), городу революции, войны и смерти (Петербург, Одесса, Феодосия).

Двойственен топос Рима в восприятии Волошина. Вечный город предстает в калейдоскопе несводимых к памяти впечатлений реального Рима и Рима как пустыни и лабиринта. Рим воссоздан как платоновское припоминание душой истинного мира идей, по которому она тоскует. «И это в Риме?!!! — пишет он в “Журнале путешествия” 1 (14) июля 1901 г. — Вот уж два дня, как все перепуталось у меня в голове: вчера, одновременно с приездом в Рим, я получил письмо от Пешковского, зовущего меня в Норвегию, и я решил из Константинополя ехать туда. Теперь я немного пришел в себя, но вчера... вчера я совсем ошалел. Я метался по Риму, совершенно ничего не понимая, и сквозь пальмы на Пинчيو мне чудились северные фиорды; на Форуме мне чудилось полуночное солнце на Норд Капе, а в храме Петра с шумом дробились тяжелые волны Северного моря» [Волошин, 1991, с. 267]. Рим еще не стал внутренним пространством памяти для писателя, он становится таковым постепенно, в процессе мыслительного созерцания «мест памяти». Пробуждение памяти о Риме как священном пространстве города, чье дыхание он ощущает как «дыхание 27 веков», происходит лунной ночью и подобно выходу из «платоновской пещеры»: «В комнату ворвались лучи ясного лунного света. На огромном чистом небе стояла луна. Внизу, широко раскинувшись, лежал Рим. <...> Вечный город! Я впервые ощутил его веянье только теперь, в этом старинном дворце, чувствуя под собой сонный трепет города, утопающего в сиянии неподвижно застывшей луны» [Волошин, 1991, с. 269]. Или: «Чем-то давно знакомым, родным повеяло от этих старых мраморных лестниц... <...> Все это было знакомо когда-то давно, а теперь позабыто» [Волошин, 1991, с. 279]. Здесь проявляется то, что Платон трактовал как учение о знании-припоминании. Это явление получает у историков религий название «иерофании». Иерофания — открытие священного пространства, не принадлежащего мирскому [Элиаде, с. 17].

В этом плане киммерийский топос Волошина являет собой синтез природно-космического, мифологического и исторического. «Крым — не музей», — писал он в статье «Культура, искусство, памятники Крыма» (1925), это место истории и культуры и пространство символической памяти, так как «он отразил в себе все волны больших исторических перемен: древнюю Грецию, эллинизм, Рим и Византию» [Волошин, т. 6 (2), с. 66, 70]. Самая священная его часть — побережье Киммерии: «Коктебель с венецианским городищем и готическим нагромождением Карадага...» [Волошин, т. 6 (2), с. 79–80]. Лик Киммерии видится ему как античная трагическая маска, которая «бродит здесь теньями аргонавтов и Одиссея...» [Волошин, т. 6 (2), с. 83]. В статье «Константин Богаевский» (1912) он сравнивает Карадаг — гору посвящения — с готическим собором: «И среди них полуразрушенным готическим собором с недостроенными башнями в кружеве стрелок, переплетов и извивающихся языков окаменелого племени, встает сложное строение Карадага. Такой романтически-сказочной страной представлялся Коктебель из глубины Керченских степей» [Волошин 1988, с. 316]. Показательно, что, размышляя о готике в «Листках из записной книжки», он чувствует в ней природно-космическое начало.

Крымский топос — «Киммерии печальная область», «пейзаж, описанный Гомером», — стал для Волошина символическим и реальным пространством, он соединил в себе феноменальное и ноуменальное на основе «прапамяти» и платоновского принципа припоминания, стал чувственным и умопостигаемым космосом. Само

его осознание пришло как открытие нового сакрального топоса на основе переосмысления сложнейшей культурно-философской и мифопоэтической традиции. Представления об идеальном топосе у Волошина развивались от мечты об идеальном полисе города-музея или города-художника к Граду Божьему. «Мой единственный идеал, — писал Волошин в статье “Россия распятая” (1920), — это Град Божий. <...> Путь к нему — вся крестная, страстная история человечества» [Волошин, т. 6 (2), с. 503]. В этом плане можно говорить о киммерийской теме у Волошина и о римской у Вяч. Иванова как о мифическом символизме. А. Ф. Лосев пишет о мифическом символизме как об «осуществлении личности», о «“подведении” под личностный символ» осуществления чуда, что связано с внутренней природой мифа и его функцией реализации чудесного [Лосев, с. 171]. Здесь произошла связь человека и места, сфера символического была осознана как знаки судьбы, а киммерийский топос понят как место предназначения и как пространство спасения. Основой этого становится осмысление архетипической природы топоса, на основе чего формируется «собственное существо пространства», которое «должно выявляться из него самого», как пишет М. Хайдеггер в эссе «Искусство и пространство» [Хайдеггер, с. 313].

Таким образом, память в автобиографической прозе Волошина оказывается основой становления души поэта, философии его творчества, истоком мифопоэтических построений, а топос как символическое пространство памяти мотивирует модели мировосприятия. Поиски пространства, которое стало бы «сущностно-сущим», ноуменальным для сознания Волошина, определяют топологию его пути и феноменологию памяти.

Литература

- Аверинцев 1979 — Аверинцев С. С. «Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда.» *Новое в современной классической филологии*. Аверинцев С. С. (ред.). М.: Наука, 1979. С. 41–81.
- Аристотель 1981 — Аристотель. «Физика.» Аристотель. *Сочинения: В 4 тт.* Рожанский И. Д. (ред.), Карпов В. П. (пер.). Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59–262.
- Аристотель 2005 — Аристотель. *Риторика. Поэтика*. Цыбенко О. П., Апфельрот В. Г. (пер.). 2-е изд., перераб. М.: Лабиринт, 2005. 256 с.
- Баруткина 2014 — Баруткина М. О. «Гений места: Максимилиан Волошин и Киммерия.» *Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 3 (130), 2014: 114–121.
- Бонецкая 2015 — Бонецкая Н. К. «Странник и его цель (герменевтика Л. Шестова).» *Вопросы философии*. 7, 2015: 95–110.
- Волошин 1988 — Волошин М. А. *Лику творчества*. Мануйлов В. А. (ред.). Л.: Наука, 1988. 848 с. (Литературные памятники).
- Волошин 1991 — Волошин М. А. «Итальянские заметки.» Волошин М. А. *Из литературного наследия: В 2 кн.* Лавров А. В. (ред.). Кн. 1. СПб.: Наука, 1991. С. 233–301.
- Волошин 1999 — Волошин М. А. «Пути Эроса (Мысли и комментарии к Платонову пиру).» Волошин М. А. *Из литературного наследия: В 2 кн.* Лавров А. В. (ред.). Кн. 2. СПб.: Алетейя, 1999. С. 13–38.
- Волошин 2006, т. 7 (1) — Волошин М. А. *Собрание сочинений: В 13 тт.* Лавров А. В., Купченко В. П. (ред.). Т. 7 (1). М.: Эллис Лак, 2006. 544 с.
- Волошин 2007, т. 5 — Волошин М. А. *Собрание сочинений: В 13 тт.* Лавров А. В., Купченко В. П. (ред.). Т. 5. М.: Эллис Лак, 2007. 928 с.
- Волошин 2007, т. 6 (1) — Волошин М. А. *Собрание сочинений: В 13 тт.* Лавров А. В., Купченко В. П. (ред.). Т. 6 (1). М.: Эллис Лак, 2007. 896 с.
- Волошин 2008, т. 6 (2) — Волошин М. А. *Собрание сочинений: В 13 тт.* Лавров А. В., Купченко В. П. (ред.). Т. 6 (2). М.: Эллис Лак, 2008. 1088 с.

- Волошин 2008, т. 7 (2) — Волошин М. А. *Собрание сочинений: В 13 тт.* Лавров А. В., Купченко В. П. (ред.). Т. 7 (2). М.: Эллис Лак, 2008. 768 с.
- Громов 2010 — Громов М. Н. «Южный цивилизационный вектор: к интерпретации творчества М. Волошина.» *Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А. А. Тахо-Годи.* Тахо-Годи Е. А. (ред.). М.: Наука, 2010. С. 356–362.
- Грякалова 2008 — Грякалова Н. Ю. *Человек модерна. Биография — рефлексия — письмо.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 382 с.
- Корниенко 2010 — Корниенко С. Ю. ««Гений места»: Неаполь в творческом самоопределении М. Волошина.» *Вестник НГУ. Сер.: История, филология.* 9 (2), 2010: 173–177.
- Корниенко 2011 — Корниенко С. Ю. «Рим Максимилиана Волошина: рождение поэта.» *Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика.* 2, 2011: 53–57.
- Купченко 2002 — Купченко В. П. *Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества, 1877–1916.* СПб.: Алетейя, 2002. 512 с.
- Купченко, Давыдов 1991 — Купченко В. П., Давыдов З. Д. «Строитель внутреннего града.» Волошин М. А. *Автобиографическая проза; Дневники.* Купченко В. П., Давыдов З. Д. (сост., статья, прим.). М.: Книга, 1991. С. 345–359.
- Лавров 1991 — Лавров А. В. «Итальянские заметки Волошина.» Волошин М. А. *Из литературного наследия: В 2 кн.* Лавров А. В. (ред.). Кн. 2. СПб.: Алетейя, 1991. С. 216–232.
- Лавров 1999 — Лавров А. В. «Неизданные лекции М. Волошина.» *Из литературного наследия: В 2 кн.* Лавров А. В. (ред.). Кн. 2. СПб.: Алетейя, 1999. С. 3–12.
- Лавров 2007 — Лавров А. В. ««Дух готики» — неосуществленный замысел М. А. Волошина.» Лавров А. В. *Русские символисты. Этюды и разыскания.* М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 303–329.
- Лосев 1994 — Лосев А. Ф. *Миф. Число. Сущность.* М.: Мысль, 1994. 919 с.
- Лотман 2000 — Лотман Ю. М. «Символические пространства.» Лотман Ю. М. *Семиосфера.* СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 297–335.
- Мемориальная библиотека 2013 — *Мемориальная библиотека М. А. Волошина в Коктебеле: Книги и материалы на иностранных языках.* Зубков Н. Н., Дмитриева К. А. (ред.). М.: Центр книги Рудомино, 2013. 476 с.
- Нора 1999 — Нора П. «Между памятью и историей. Проблематика мест памяти.» *Франция-память.* Хапаева Д. (пер.). СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.
- Платон 1971a — Платон. «Государство.» Платон. *Сочинения: В 3 тт.* Асмус В. Ф. (ред.). Т. 3, ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 89–454.
- Платон 1971b — Платон. «Государство. Тимей.» Платон. *Сочинения: В 3 тт.* Асмус В. Ф. (ред.). Т. 3, ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 456–542.
- Рикер 2004 — Рикер П. *Память, история, забвение.* М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004. С. 25–43.
- Рычков, Мирошниченко 2012 — Рычков А. Л., Мирошниченко Н. М. «Вл. Соловьев в личной библиотеке и творчестве М. А. Волошина.» *Соловьевские исследования.* 2, 2012: 124–161.
- Стародубцева 1996 — Стародубцева Л. В. «Поэтика воображаемого города в реальном мире духовных поисков (как цели в историческом действии человека).» *Город и искусство: субъекты социокультурного диалога.* Сайко Э. В. (ред.). М.: Наука, 1996. С. 48–60.
- Стародубцева 2003 — Стародубцева Л. В. *Мнемозина и Лета. Память и забвение в истории культуры.* Харьков: ХГАК, 2003. 696 с.
- Столочич 2010 — Столович Л. Н. «Античный космос Максимилиана Волошина.» *Античность и культура Серебряного века: к 85-летию А. А. Тахо-Годи.* Тахо-Годи Е. А. (ред.). М.: Наука, 2010. С. 347–355.
- Тимофеева 2011 — Тимофеева Н. К. «Антропологическое измерение итальянского текста М. Волошина.» *Вестник НГУ. Сер.: История, филология.* 10 (9), 2011: 163–167.
- Топоров 1995 — Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического.* М.: Прогресс-Культура, 1995. 623 с.
- Фрейденберг 1990 — Фрейденберг О. М. «Утопия.» Брагинская Н. В. (ред.). *Вопросы философии.* 5, 1990: 148–167.
- Хайдеггер 1993 — Хайдеггер М. *Время и бытие.* Библихин В. В. (сост.). М.: Республика, 1993. 447 с. (Мыслители XX века).
- Шевцов 2015 — Шевцов К. П. «Границы припоминания. Память в поздних диалогах Платона.» *Вестник Русской Христианской гуманитарной академии.* 16 (1), 2015: 11–17.
- Элиаде 1994 — Элиаде М. *Священное и мирское.* Гарбовский Н. К. (пер.). М.: МГУ, 1994. 144 с.

Для цитирования: Титаренко С. Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М. А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 186–198. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.204.

References

- Аверинцев 1979 — Averintsev, S. S. Klassicheskaia grecheskaia filosofia kak iavleniye istoriko-literaturnogo riada [Classical Greek philosophy as a historical and literary phenomenon]. In: Averintsev, S. S. (ed.). *Novoe v sovremennoi klassicheskoi filologii* [New in modern classical philology]. Moscow: Nauka Publ., 1979. P. 41–81.
- Аристотель 1981 — Aristotle. Fizika [Physics]. In: Aristotle, Karpov, V. P. (trans.). *Sochineniia* [Works]: In 4 vols. Vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1981, pp. 59–262. (in Russian)
- Аристотель 2005 — Aristotle, Tsybenko, O. P. (trans.). *Ritorika. Poetika* [Rhetorics and poetics]. Moscow, Labirint Publ., 2005. 256 p. (in Russian)
- Баруткина 2014 — Barutkina, M. O. Genii mesta: Maksimilian Voloshin i Kimmeriia [The genius of the place: Maximilian Voloshin and Cimmeria]. In: *Izvestiia UrFU. Ser. 2: Gumanitarnye nauki — Izvestiia of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities*, 2014, no. 3 (130), pp. 114–121.
- Бонетская 2015 — Bonetskaya, N. K. Strannik i ego tsel' (germenevtika L. Shestova) [Wanderer and his aim (hermeneutics of L. Shestov)]. In: *Voprosy Filosofii — Issues of philosophy*, 2015, vol. 7, pp. 95–110. (in Russian)
- Волошин 1988 — Voloshin, M. A. *Liki tvorchestva* [Face of creation]. Manuylov, V. A. (ed.). Leningrad, Nauka Publ., 1988. 848 p. (Literaturnye pamiatniki [Literary monuments]). (in Russian)
- Волошин 1991 — Voloshin, M. A. Ital'ianskie zametki [Italian essays]. In: Voloshin, M. A., Lavrov, A. V. (ed.). *Iz literaturnogo naslediia* [From literary heritage]: In 2 bks. Bk. 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 233–301. (in Russian)
- Волошин 1999 — Voloshin, M. A. Puti Erosa (Mysli i kommentarii k Platonovu piru) [The ways of Eros (thoughts and commentaries on Plato's Symposium)]. In: Voloshin, M. A., Lavrov, A. V. (ed.). *Iz literaturnogo naslediia* [From literary heritage]: In 2 bks. Bk. 2. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1999, pp. 13–38. (in Russian)
- Волошин 2006, т. 7 (1) — Voloshin, M. A., Lavrov, A. V., Kupchenko, V. P. (eds.). *Sobranie sochinenii* [Collection of works]: In 13 vols. Vol. 7 (1). Moscow, Ellis Luck Publ., 2006. 544 p. (in Russian)
- Волошин 2007, т. 5 — Voloshin, M. A., Lavrov, A. V., Kupchenko, V. P. (eds.). *Sobranie sochinenii* [Collection of works]: In 13 vols. Vol. 5. Moscow, Ellis Luck Publ., 2007. 928 p. (in Russian)
- Волошин 2007, т. 6 (1) — Voloshin, M. A., Lavrov, A. V., Kupchenko, V. P. (eds.). *Sobranie sochinenii* [Collection of works]: In 13 vols. Vol. 6 (1). Moscow, Ellis Luck Publ., 2007. 896 p. (in Russian)
- Волошин 2008, т. 6 (2) — Voloshin, M. A., Lavrov, A. V., Kupchenko, V. P. (eds.). *Sobranie sochinenii* [Collection of works]: In 13 vols. Vol. 6 (2). Moscow, Ellis Luck Publ., 2008. 1088 p. (in Russian)
- Волошин 2008, т. 7 (2) — Voloshin, M. A., Lavrov, A. V., Kupchenko, V. P. (eds.). *Sobranie sochinenii* [Collection of works]: In 13 vols. Vol. 7 (2). Moscow, Ellis Luck Publ., 2008. 768 p. (in Russian)
- Громов 2010 — Gromov, M. N. Iuzhnyi tsivilizatsionnyi vektor: k interpretatsii tvorchestva M. Voloshina [South civilizational vector: on the interpretation of M. Voloshin's works]. In: Takho-Godi, E. A. (ed.). *Antichnost' i kul'tura Serebriannogo veka: k 85-letiiu A. A. Takho-Godi* [Antiquity and culture of Silver Age: 85th anniversary of A. A. Taho-Gody]. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 356–362. (in Russian)
- Грякалова 2008 — Gryakalova, N. Yu. *Chelovek moderna. Biografiia — refleksiiia — pis'mo* [The man of the Modern Age. Biography — reflexion — letter]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008. 382 p. (in Russian)
- Корниенко 2010 — Kornienko, S. Yu. «Genii mesta»: Neapol' v tvorchestvom samoopredelenii M. Voloshina [«The Genius of the Place». Naples in M. Voloshin's creative self-determination]. In: *Vestnik NGU. Ser.: Istoriiia, filologiiia — Vestnik of Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology*, 2010, vol. 9, no. 2, pp. 173–177. (in Russian)
- Корниенко 2011 — Kornienko, S. Yu. Rim Maksimiliana Voloshina: rozhdenie poeta [Maximilian Voloshin's Rome: the birth of a poet]. In: *Vestnik VGU. Ser.: Filologiiia. Zhurnalistska — Vestnik of Voronezh State Univ. Ser. Philology. Journalism*, 2011, vol. 2, pp. 53–57. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogol/2011/02/2011-02-11.pdf> (in Russian)

- Купченко 2002 — Kupchenko, V. P. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina: Letopis' zhizni i tvorchestva, 1877–1916* [Works and days of M. Voloshin: Chronicle of Life and Work (1877–1916)]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 512 p. (in Russian)
- Купченко, Давыдов 1991 — Kupchenko, V. P., Davydov, Z. D. Stroitel' vnutrennego grada [The builder of the inner city]. In: Voloshin, M. A., Kupchenko, V. P., Davydov, Z. D. (comp., art., nn.). *Avtobiograficheskaiia proza; Dnevnik* [Autobiographical prose; Diaries]. Moscow, Kniga Publ., 1991, pp. 345–359. (in Russian)
- Лавров 1991 — Lavrov, A. V. Ital'ianskie zametki Voloshina [Voloshin's Italian essays]. In: Voloshin, M. A. *Iz literaturnogo naslediiia* [From literary heritage:]. In 2 bks. Bk. 2. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1991, pp. 216–232. (in Russian)
- Лавров 1999 — Lavrov, A. V. Neizdannnye leksii M. Voloshina [M. Voloshin's unpublished lectures]. In: Voloshin, M. A. *Iz literaturnogo naslediiia* [From literary heritage:]. In 2 bks. Bk. 2. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1999, pp. 3–12. (in Russian)
- Лавров 2007 — Lavrov, A. V. «Dukh gotiki» — neosushchestvlennyi zamysel M. A. Voloshina [«The Gothic spirit» — unrealized idea of M. Voloshin]. In: Lavrov, A. V. *Russkie simvolisty. Etiudy i razyskaniia* [Russian symbolists.]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2007, pp. 303–329. (in Russian)
- Лосев 1994 — Losev, A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 919 p. (in Russian)
- Лотман 2000 — Lotman, Yu. M. Simvolicheskie prostranstva [Symbolic spaces]. In: Lotman, Y. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-spb. Publ., 2000, pp. 297–335. (in Russian)
- Мемориальная библиотека 2013 — Zubkov N. N., Dmitrieva, K. A. (eds.). *Memorial'naia biblioteka M. A. Voloshina v Koktebele: Knigi i materialy na inostrannykh iazykakh* [Memorial library of M. A. Voloshin in Koktebel: books and foreign language materials]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2013. 476 p. (in Russian)
- Нора 1999 — Nora, P. Mezhdru pamiat'iu i istoriei. Problematika mest pamiat' [Between memory and history. Problematics of sites of commemoration]. In: Hapayeva, D. (trans.). *Frantsiia-pamiat'* [France-Memory]. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 1999, pp. 17–50. (in Russian)
- Платон 1971a — Plato. Gosudarstvo [The Republic]. In: Plato, Asmus, V. F. (ed.). *Sochineniia* [Works]: In 3 vols. Vol. 3, P. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1971, pp. 89–454. (in Russian)
- Платон 1971b — Plato. Gosudarstvo. Timei [The Republic. Timaeus]. In: Plato, Asmus, V. F. (ed.). *Sochineniia* [Works]: In 3 vols. Vol. 3, P. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1971, pp. 456–542. (in Russian)
- Рикер 2004 — Ricoeur, P. *Pamiat', istoriia, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow, Izd-vo gumanitarnoi lit-ry Publ., 2004, pp. 25–43. (in Russian)
- Рычков, Мирошниченко 2012 — Rychkov, A. L., Miroschnichenko, N. M. Vl. Solov'ev v lichnoi biblioteke i tvorchestve M. A. Voloshina [Vl. Solovyov in M. A. Voloshin's private library and works]. In: *Solov'evskie issledovaniia — Solovyov's researches*, 2012, vol. 2, pp. 124–161. (in Russian)
- Стародубцева 1996 — Starodubtseva, L. V. Poetika voobrazhaemogo goroda v real'nom mire dukhovnykh poiskov (kak tseli v istoricheskom deistvii cheloveka) [Poetics of the imaginary city in the real world of spiritual searching (as aims in human's historical actions)]. In: *Gorod i iskusstvo: sub'ekty sotsiokul'turnogo dialoga* [City and art: subjects of the social and cultural dialogue]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 48–60. (in Russian)
- Стародубцева 2003 — Starodubtseva, L. V. *Mnemozina i Leta: Pamiat' i zabvenie v istorii kul'tury* [Mnemosyne and Lethe: Memory and Oblivion in the history of culture]. Kharkiv, Kharkiv State Academy of Culture Publ., 2003. 696 p. (in Russian)
- Столович 2010 — Stolovich, L. N. Antichnyi kosmos Maksimiliana Voloshina [Maximilian Voloshin's ancient space]. In: Takho-Godi, E. A. (ed.). *Antichnost' i kul'tura Serebriianogo veka: k 85-letiiu A. A. Takho-Godi* [Antiquity and culture of Silver Age: 85th anniversary of A. A. Taho-Gody]. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 347–355. (in Russian)
- Тимофеева 2011 — Timofeeva, N. K. Antropologicheskoe izmerenie ital'ianskogo teksta M. Voloshina [Anthropological dimension of M. Voloshin's Italian texts]. In: *Vestnik NGU. Ser.: Istoriiia, filologiiia — Vestnik of Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology*, 2011, vol. 10, no. 9, pp. 163–167. (in Russian)
- Топоров 1995 — Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: researches on mythopoetics]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995. 623 p. (in Russian)
- Фрейденберг 1990 — Freidenberg, O. M., Braginskaia, N. V. (ed.). Utopiia [Utopia]. In: *Voprosy Filosofii — Issues of Philosophy*, 1990, vol. 5, pp. 148–167. (in Russian)

- Хайдеггер 1993 — Heidegger, M., Bibihin, V. V. (comp.). *Vremia i bytie* [Time and existence]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p. (Mysliteli XX veka [Thinkers of the XX century]). (in Russian)
- Шевцов 2015 — Shevtsov, K. P. Granitsy pripominaniia. Pamiat' v pozdnykh dialogakh Platona [The boundaries of anamnesis. Memory in Plato's later dialogues]. In: *Vestnik Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii* — *Vestnik of Russkoi Khristianskoi Gumanitarnoi akademii*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 11–17. (in Russian)
- Элиаде 1994 — Eliade, M., Garbovsky, N. K. (trans.). *Sviashchennoe i mirskoe* [Spiritual and worldly]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 144 p. (in Russian)

For citation: Titarenko S. D. Topos as Symbolic Memory Space in Autobiographical Prose of M. A. Voloshin and Mythopoetic Tradition of Plato. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 2, pp. 186–198. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.204.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2016 г.

Статья рекомендована в печать 26 мая 2016 г.